

гутъ быть поставлены въ достоинство народа, но они еще не дѣлають исторіи—вмѣстѣ съ ними дѣлають ее множество разнообразныхъ условий, которыя относительно народа бывали чисто случайными и которыя, однако, также должны были бы входить въ область предназначенія?—Гдѣ могло начаться предназначеніе русскаго народа? Какъ помѣстить его въ тѣ вѣка, когда народъ только-что выдѣлялся неясными очертаніями изъ славянскаго цѣлаго? Начинать его съ принятіемъ христіанства? но въ то время еще цѣла была Византія и ей еще не требовался преемникъ; если позднѣе, то странно представлять, что для появленія Руси въ роли такого преемника нужно было не иначе какъ турецкое нашествіе и гибель цѣлыхъ православныхъ царствъ. Если Россія могла заявить свою историческую роль со времени усиленія Москвы, то неужели высокая роль русскаго народа въ христіанствѣ (которая считается его предназначеніемъ) должна была зависѣть отъ такого политическаго усиленія, которое, какъ извѣстно, добыто было средствами, часто далеко не возвышенными и не христіанскими. Словомъ, переводя мысль о «предназначеніи» на почву реальныхъ фактовъ и исторіи, мы постоянно наталкиваемся на придуманную его подстановку *post facto*, т.-е. послѣ фактовъ различнаго внимательства Россіи въ балканскія дѣла, имѣвшаго иногда религіозныя основанія, а чаще политическія.—Остается ли «предназначеніе» невѣдомымъ для самого народа, или оно бываетъ въ сознаніи по крайней мѣрѣ лучшихъ, мудрѣйшихъ его людей? Обыкновенно принимается, что народъ въ глубинѣ своего непосредственнаго чувства именно носить это предназначеніе, т.-е. послѣднему придается извѣстный мистическій характеръ, или другими словами дѣлается опять произвольная подстановка, потому что мистическія положенія именно уклоняются отъ реальной провѣрки. Насколько народъ (т.-е. именно масса) могъ предрѣшать однимъ чувствомъ будущія судьбы націи и государства, не трудно видѣть изъ того, какими размѣрами вообще отличается горизонтъ народныхъ свѣденій.

Другой догматическій выводъ, извлекаемый часто изъ понятія о народности, состоитъ въ томъ, что народу приписываются извѣстныя свойства, которыя считаются неподвижными. Въ этомъ смыслѣ о «національномъ характерѣ» говорится обыкновенно такъ, какъ бы народъ нынѣшній былъ совсѣмъ однороденъ съ его предшественниками не только XVI—XVII-го вѣка, но XIII-го и даже X-го столѣтія. На этомъ понятіи о народности, конечно, только и возможно основывать обязательность преданія. Историческое наблюденіе и здѣсь представляетъ однако весьма серьез-